

Лантух Н.А.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ "САКРАЛЬНАЯ ГРАНИЦА" В СКАЗКАХ

А.С. ПУШКИНА.

Сказка как особый текст, представляющий собой сокровищницу глубинных национальных кодов, свод сакральных знаний, имеет несколько уровней прочтения, поддается неоднозначному декодированию. Пушкинские сказки в этом смысле не являются исключением и, чтобы быть адекватно понятыми, требуют серьезного культурологического анализа.

Как истинно русский человек, в котором в полной мере выразились "русская природа, русская душа, русский язык, русский характер" /Н.В. Гоголь/, Пушкин не мог не воплотить в своих сказках, являющихся художественным претворением народного духа в фольклоре, национального мировосприятия, архетипических черт этнического мышления и поведения, системы этнокультурных ценностей, символов и приоритетов.

Созданные на основе фольклора и выражающие дух русского прошлого, пушкинские сказки, как и подлинные народные произведения, аккумулируют в себе архаические предательства славян, связанные с языческим мировоззрением. Поскольку отдельные элементы языка в равной степени сохранности присутствуют почти во всех формах славянской духовной культуры, имеют место они и в сказках и поэмах Пушкина, основанных на устной народной традиции, наиболее архаичной и консервативной по своей природе.

Чтобы в полной мере донести содержание пушкинских сказок до иностранных учащихся, нужно прежде всего адекватно представить ключевые понятия, в которых закодированы традиционные смыслы русского фольклора, наполняющие данные понятия мифологическим содержанием и придающие им статус этнокультурной доминанты. Важнейшими категориями в пределах русского этноязыкового континуума являются этнокультурные доминанты "сакральная граница" и "сакральный центр", которые в значительной мере сохранили традиционные представления русских, восходящие к язычеству, и отражают особенности русской истории.

У каждого народа есть особый склад мышления, национальное воззрение на мир, своя иерархия ценностей и система категорий, с помощью которых он познает и отражает действительность в русле своей национальной логики. Такие понятия, как "граница" и "центр", сохраняют в традиционном русском сознании общечеловеческую онтологическую основу, но их соотношение, ценностное содержание, их восприятие этносом имеет выраженный национальный характер.

Огромные пространства, занимаемые русскими, тысячелетнее историческое растекание Руси, центробежные устремления русского народа обусловили специфику русского понимания границы. У нашего народа в древности не было сплошной, четкой, непрерывной границы.

Границы были подвижными, пунктирными, зачастую с большими пробелами. Как отмечает В. Лобачев, наши предки не воздвигали на границах стен, характерных для других цивилизаций /например, Римский вал на границе с Германией, Пиктский, или Андрианов, вал в Британии, Траянов вал в Добрудже, Кавказская стена, называемая также Дербентскими Железными воротами, или Александровой стеной, Великая Китайская стена/, не отгораживались стенами ни от Севера, ни от Юга, ни от Востока, ни от Запада. "Не было стен. Не было и жесткого ограничения себя от соседей, не было понятия "варвары". И вчерашние гоги и магоги становились народами, населяющими страну"ⁱ.

По типу историческая русская граница была дозорной - со сторожевыми крепостями, сигнальными вышками, засеками, лесными завалами, дозорами, заставами и заслонами.

Поскольку пограничная линия представляла собой в древности не сплошную черту, обводившую государственные пределы, а систему рубежей, зачастую эшелонированных вплоть до самой столицы, то понятна подвижность «пограничников» того времени, их масштабные маневры, отраженные в былинах о русских богатырях. Так, богатыри в поисках врага, нарушившего границу, - "рубежника", объезжали чуть ли не всю державу, встречая, например, Идолище Поганое, Тугарина, Змея Горыныча, Калина-царя, Кудреванко, Батыя Батыевича и прочую нечисть то в чистом поле, то на дороге прямоезжей, а то и в самом Киевеⁱⁱ. В. Плугин отмечает странную для сегодняшнего дня пограничную тактику Ильи Муромца, ведущего круговое наблюдение, на все четыре стороны, и вполне естественную для пограничной системы того времениⁱⁱⁱ.

Все вышеуказанное позволяет аттестовать древнерусскую границу как пунктирную, проницаемую, прозрачную, жестко не отделяющую иные народы от русского, позволяющую растекание Руси вширь. Наряду с отсутствием четкой и непрерывной пространственной границы в течение длительных исторических периодов, в недрах народной культуры была выработана развитая система сакральных границ, на которых держался русский мир. Понятие "сакральная граница", в значительной степени сохранившее дохристианские воззрения, относится к числу важнейших категорий в пределах русского этноязыкового континуума. Сакральная ценность границы обуславливается ее значимостью в освоении пространства, установлении контроля над ним, укреплении пределов своего, отделении "своего" от "чужого", а также ее двойственной природой - способностью одновременно разделять и связывать человеческий мир и "тот свет", принадлежа им обоим и осуществляя активную связь между ними.

Понятие "сакральная граница" присутствует практически во всех жанрах русского фольклора и эксплицируется следующими словами и словосочетаниями: "окно", "порог", "дверь", "угол", "ворота", "море-Окиян", "река", "Огненная река", "река Смородина", "путь-дорога", "река Дунай", "перекресток", "перепутье", "восход" и "заход солнца", "полдень", "полночь", "зеркало", "гора", "горы Афонские", "Сорочинская гора", "переправа", "мост", "Рождество", "Святки", "Крещение" и др.

Этнокультурная категория "сакральная граница" является семантическим ядром таких жанров фольклора, как былички и заговоры.

Являясь текстообразующей константой русских заговоров, семантема "сакральная граница" выступает тем об-

разным стержнем, вокруг которого разворачиваются все события фольклорного повествования.

Описания границ различного типа и действий по их преодолению даются, как правило, в зачинах заговоров. И это не случайно, так как сама задача заговора - это прорыв в мир сакрального, преодоление границ, отделяющих "этот" свет от "того", контакт с "неведомой силой" и последующее магическое воздействие этой силы на человека. "За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Окиян-моря, лежит остров Буян; на том острове Буяне стоит дуб..."^{iv}. Заключительная часть многих заговоров повествует о "запирации", "закреплении", "оставлении" пожелания за сакральной границей, являющейся гарантом магической мощи заговора: "Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь. А как у замков смычи крепки, так и мои словеса метки"^v.

Сакральная граница гипотетического пространства заговорного текста в процессе ритуала сопрягается с границами реального пространства. Магическое воздействие заговора на адресата обеспечивается в ситуации, когда происходит стык пространственной границы и временной. Именно поэтому ритуальное действие осуществляется на восходе или заходе солнца на перекрестке, на краю леса, на пороге, то есть в момент сопряжения границ пространства и времени.

Как в ментальном пространстве-времени русского фольклора, так и в сказочном пространстве-времени Пушкина сакральная граница наделена не только способностью одновременно разделять и связывать человеческий мир и "тот свет", но и силой магического воздействия на людей. Категории "сакральная граница" и "сакральный центр" в сказках Пушкина эксплицируются следующими словами-понятиями и словосочетаниями: "море-Окиян", "река", "остров Буян", "дуб зеленый", "путь-дорога", "перекресток", "окно", "угол", "восход" и "заход солнца", "полдень", "полночь", "Рождество", "зеркало", "Лукоморье", которые содержат в себе информацию о сакральной границе, аналогичную той, которая отражена в русских сказках, заговорах, песнях.

Для традиционно ориентированного русского сознания эти манифестации священной границы наполнены глубоким смыслом, обладают сакральной ценностью.

Манифестаторы пространственной границы - "море-Окиян", "река", "остров Буян", "дуб зеленый", "путь-дорога", "перекресток", "окно", "угол", - существуя в реальном мире и членя его, являются вместе с тем точками соприкосновения с пространством сакральным, ирреальным и получают характеристики этого пространства. Временная граница, эксплицируемая лексемами "восход" и "заход", "полдень", "полночь", "Рождество", членит не только природное круговое время, но и обозначает те моменты, когда размыкается пространственная граница между мирами - реальным и потусторонним - и осуществляется двусторонний контакт между ними. Таким образом, временная граница усиливает проницаемость пространственной границы.

Сакральность границы, сила ее магического воздействия на мир людей возрастает в ситуации, когда происходит стык пространственной границы и временной. Эта особенность русского восприятия священной границы нашла адекватное отражение в сказках Пушкина, где важнейшие узловые события происходят в момент сопряжения временной и пространственной границ. Так, например, в «Сказке о царе Салтане...» «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком», и свои пожелания, принявшие форму гадания и исполнившиеся по прихоти царя, они произносили под окном - сакральной границей, потенциальным входом в область действия темных сил, в мир чуда. И происходило это "поздно вечерком", видимо, близко к полуночи, на Святки, и может быть, даже на Рождество, что несложно рассчитать, исходя из слов царя "И роди богатыря / Мне к исходу сентября..."

Девичьи заветные желания прозвучали как раз в момент стыка межевого места с межевым временем и размыкания границы между мирами.

Это был тот редкий миг, когда, по народному поверью, реализуется все сказанное вслух - доброе или дурное. И дальнейшие события происходят в сказке не только по прихоти царя, но и по воле небес.

Или в "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях" всего в двух строках: «Вот в сочельник в самый, в ночь / Бог дает царнице дочь», – содержится прогноз о будущей неблагоприятной судьбе девочки, рожденной в ночь под Рождество, в самое глухое и опасное время года, когда бесчинствует нечистая сила. По мнению, бытовавшему в народе, детям, появившимся на свет в ночь под Рождество, добра в жизни не будет. Представления зависимости судьбы человека от дня и часа рождения обусловлены семантической неравноценностью отрезков времени в традиционной картине мира. Благоприятное время рождения - утро, когда природная жизненная сила проявляется в максимальной степени"^{vi}.

Все события, происходящие на заре, на восходе солнца, утром, имеют положительное содержание, и народ отметил это в пословице: "Кто рано встает, тому бог дает". И это представление об утренней заре имеет древние корни.

Подобно древнегреческой "с перстами пурпурными Эос", славянская богиня Заря выступает в виде прекрасной, дарующей благодать женщины. Так, в Велесовой книге" читаем: "И тут Заря Красная пришла к нам, как жена блага, и дала нам молоко, чтобы крепость и сила наша удвоились. Ибо Заря возвещает Солнце". "И тут пришла Красная Заря, нанизывая драгоценные камни на убранство свое. И ее мы приветствовали от сердца - как русские..."^{vii}. И эта божественная щедрость утренней Зари, дарящей людям добро, чудеса, солнечную энергию и магическую силу, удачливость в делах, запечатлена в русском фольклоре, который разносторонне развивает эту тему.

В народной традиции временные границы наделяются положительным или отрицательным значением, и одно и то же действие может быть успешным или неудачным в зависимости от того, в какое время оно совершается^{viii}.

Среди временных границ - восхода, захода, полдня и полночи наиболее опасным и нечистым временем считается полдень и полночь, а пора восхода и захода солнца подходит для магических действий, для контактов с высшей или нечистой силой. Однозначно положительное содержание имеет только время восхода солнца, рассвет. И если опасные временные границы - полдень, полночь, "глухая ночь" (время после полуночи и до рассвета) - при-

тягивают к себе неблагоприятные, а порой и страшные события, то рассвет закрывает вход в мир злой, нечистой силе и наполняет людские дела добром, благодатью, удачей, чудом. Эта взаимосвязь между сакральными границами времени и пространства и характером происходящих событий четко прослеживается в сказках Пушкина: важнейшие события определяются не только волей героев, но и магическим влиянием сакральных границ в соответствии с логикой традиционного русского мировосприятия.

Так, например, в "Сказке о царе Салтане..." Гвидон и его мать попадают на остров Буян на заходе солнца ("Сын подумал: добрый ужин / Был бы нам, однако, нужен"), и в это же сакральное пограничное время царевич совершает судьбоносное действие - убивает коршуна-чародея. А утром, на рассвете, происходит великое чудо:

Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой...
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву...

Так же в "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях" утром происходят благодатные, положительные или определяющие судьбу героев события:

Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец.

Семеро братьев-богатырей наиболее важные дела совершают на утренней заре (в соответствии с народным убеждением, что "утро вечера мудренее"): богатырские подвиги ("руку правую потешить") или сватовство.

К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.

На стыке межевого места и межевого времени, умножающего магическую силу производимых действий, происходят трагические и счастливые события в жизни героев.

За **"речкой тихоструйной"**, в высокой горе в **полуночную пору** оставляют братья-богатыри гроб с мертвой царевной: все приметы говорят о том, что героиня находится на границе миров - нашего и потустороннего. И только преодолев магию этого места, разбив гроб, царевич Елисей возвращает свою невесту к жизни.

В поэме "Руслан и Людмила" Руслан погибает от предательского меча Фарлафа **глухой ночью** в тихой долине, на поляне возле **"сумрачного кургана"**, и в том же месте, только на **"утренней заре"**, под воздействием мертвой и живой воды вещего Финна воскресает он к новой жизни.

Из описания происходящих событий мы видим, что пограничные зоны, образуемые на стыке пространственных и временных сакральных границ, имеют выходы и в "белый свет", и в потусторонний мир.

Представления о локализации иного мира в народном сознании противоречивы и многообразны.

Он мог быть удаленным: под землей, под водой, на небе, за горами, на Севере или на Западе - или начинаться сразу за порогом дома или даже внутри дома (подпол, запечье, покуть). И тогда человек должен укрепить границу, обеспечить ее непроницаемость и устранить возможность нежелательных контактов.^{ix}

Граница между мирами очень подвижна, ее удаленность или приближенность к человеку, проницаемость или непроницаемость находятся в жесткой зависимости от места и времени. Существуют "нечистое" время и "нечистое" пространство, и попадание человека в поле их действия неизбежно приводит его к нарушению границы между мирами. Так, например, полдень, полночь, Святки, дороги, перекрестки, кладбища, выморочные места, заброшенные дома представляют собой повышенную опасность для человека. Эти маргинальные объекты, принадлежа сразу двум мирам, и являются "напряженной", легко проницаемой границей между ними.

Вообще, "с точки зрения традиционно ориентированного человека, мир насыщен потенциальными границами, каждая из которых в любую минуту может стать основной границей между своим и чужим"^x.

Размыкание границы между мирами может происходить не только через "переступание" временной или пространственной границы, но и через нарушение определенных правил, норм и запретов.

Границей, связанной с многочисленными запретами, является зеркало - один из самых сакральных предметов. Зеркало считается наиболее опасной границей между земным и потусторонним миром и требует осторожного обращения. Особую опасность представляет время рождения и время смерти, когда происходит неизбежное пересечение границы жизни и смерти, и зеркало становится каналом связи между мирами. Поэтому во время родов, как и в случае нахождения покойника в доме, положено занавешивать зеркала. Народная традиция запрещает смотреться в зеркало ночью, а также во время грозы, подносить к нему ребенка в возрасте до одного года, также известен запрет смотреться в зеркало беременным и недавно рожавшим женщинам, которые через ребенка связаны с "тем светом" и через открывшуюся границу могут перейти туда («перед ними открыта могила»). Разбитое зеркало сулит несчастье, так как означает нарушение границы и последующее негативное воздействие потусторонних сил на жизнь людей.^{xi} Разбитое зеркало - наиболее опасный предмет в доме: оно символизирует нарушенное пространство, открытую границу между людским миром и миром призраков, показывает "двойника" разбитым, надломленным, искаженным, передавая эти качества оригиналу.^{xii} Названные мистические качества зеркала делают его важнейшим атрибутом в гаданиях, которые должны проводиться на стыке межевого ("нечистого")

времени и межевого ("нечистого") места.

Гадание в зеркале является одним из самых распространенных гаданий в народе, одним из самых действенных, но и самых опасных.

Во время такого гадания важно вовремя остановиться, защитив себя словами "Чур меня!" Невыполнение каких-либо условий влечет за собой тяжелые последствия для гадающего, вступившего в контакт с потусторонними силами с помощью зеркала.

В русле народного миропонимания показано зеркало и в сказках Пушкина. В "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях" зеркало наделяется способностью говорить, таким образом его магическая сущность индивидуализируется, и контакт царицы с потусторонними силами осуществляется с помощью персонифицированного посредника. Гордая и своенравная царица, получив в приданое чудесное зеркальце, пользовалась им по своему усмотрению, когда нуждалась в подтверждении исключительности своей красоты. И только это зеркальце было для ломливой и завистливой царицы приятным собеседником:

С ним одним она была

Добродушна, весела,

С ним приветливо шутила.

Разговор царицы с зеркальцем - это не что иное, как гадание с присущей ему установкой на заданность темы. Не случайно каждый раз царица обращается к зеркальцу с одними и теми же "установленными" словами:

Свет мой, зеркальце! Скажи,

Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее,

Всех румяней и белее?

Злоупотребляя контактами через зеркальце с потусторонними силами, не соблюдая строгих правил этого магического ритуала, царица неизбежно создавала вокруг себя зону опасности. Эта опасность состояла не только в частом соприкосновении через зеркальце с "тем" светом, но и в последствиях самого удвоения (посредством отражения в зеркале), грозящего "двоедумием", то есть раздвоением между миром людей и миром нечистой силы, превращением в колдуна, ведьму, вампира^{xiii}.

Может быть, поэтому присутствуют в сказке признаки ведьмовского поведения царицы: ведьмовской радости по поводу признания ее зеркальцем самой красивой:

И царица хохотать,

И плечами пожимать,

И подмигивать глазами,

И прищелкивать перстами,

И вертеться подбочась,

Гордо в зеркальце глядясь,

а потом нарастающей черной ведьмовской зависти и злобы с последующим преступным решением погубить царевну. Считая зеркальце своей собственностью, думая, что имеет власть над ним и присущей ему магической силой, царица глубоко ошибается. Попытки заставить зеркальце прислуживать ей не дают результата. Наоборот, сама царица становится игрушкой в руках нечистой силы, проводником зла в мир людей, его генератором и исполнителем. Конец царицы закономерен: разбив в злобе зеркало, бросив вызов его магической силе, она сама вызывает свою смерть. Царица жестоко поплатилась за нарушение запрета на контакты с нечистой силой - таков вывод сказки в духе истинно народной логики.

К числу границ с репутацией заведомо неблагоприятных, опасных принадлежат и перекрестки. Для славян перекресток - роковое, "нечистое" место, принадлежащее демонам. На перекрестке нечистый дух имеет власть над человеком, поэтому проход через него сопряжен с различными опасностями: на перекрестке человека подстерегают болезни и порча, пущенная колдуном по воздуху. На перекрестке совершаются предопределяющие судьбу встречи^{xiv}. На перекрестках в русских сказках стоит камень, где обозначены перспективы каждого из путей. Перекресток содержит в себе узел из потенциальных судеб путника: избравший путь выбирает свою судьбу, или, наоборот, судьба диктует путнику его дорогу.

В поэме "Руслан и Людмила" судьба героев - Руслана, Рогдая, Ратмира и Фарлафа, отправившихся на поиски пропавшей Людмилы,- определилась **ночью, на перекрестке, под горой**, недалеко от **Днепра** (стык межевого места с межевым временем):

Вот под горой путем широким

Широкий пересекся путь.

"Разъедемся, пора! - сказали,-

Безвестной вверимся судьбе".

И каждый конь, не чуя стали,

По воле путь избрал себе.

Сакральный статус каждого из компонентов (ночь, перекресток, гора, река), слагающих данное магическое время-пространство, очень высок, поэтому велика и его судьбонаправляющая сила.

"Необъятность русской земли", "безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта" "выразились в строении русской души"^{xv} и строении русской вселенной, основанной на образно-художественном, иррациональном восприятии мира, мистическом отношении к действительности, вечных поисках нравственно-религиозного идеала и получившей оформление с помощью системы сакральных границ и сакральных центров.

Прерывность и катастрофичность русской истории, отмеченные Н. Бердяевым, прочно связаны с самобытно-

стью нашей культуры, с тем причудливым сочетанием нового с сохранившимися ценностями старой жизни. И каждый период отечественной истории характеризуется своими культурными приоритетами, наличием своих идеалов и своих сакральных центров земли.

Так, из времен язычества дошли до нас мифологические образы "дуб зеленый", "Лукоморье", "остров Буян", "камень Алатырь", символизирующие некий сакральный центр мироздания. В этих образах сливаются представления о сакральном центре и сакральной границе русской вселенной: сакральный центр русских находится на периферии, на краю русского пространства, не совпадает с топографическим центром русской земли, не имеет точной географической локализации. Это, на наш взгляд, способствует повышению сакрального статуса центра русского пространства.

Следует отметить, что сакральные центры русского мира связаны с морем и югом. Море, как и любое водное пространство, -- это граница между "этим" и "тем" светом, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы, граница между реальным миром и миром чуда.

"Море в древнем славянском членении Белого Света по горизонтали означало южную сторону, юг. Так что "теплый край" и "море" изначально значат одно и то же"^{xvi}. Но море -- это еще предел человеческих владений. Уплыть или улететь "за море"-- это значит попасть в мир чуда, поэтому мотивированно звучат вопросы царя Салтана о чуде "за морем". Море также частица Космоса как Времени-Пространства^{xvii}.

Остров Буян, на котором происходят удивительные события в пушкинской "Сказке о царе Салтане...", по народным представлениям находится далеко за морем, наделяется фантастическими чертами потустороннего мира, чудодейственной силой, способной материализовать любое пожелание. В русских заговорах Буян - место пребывания мифологических персонажей, помощь которых придает заклинанию силу.^{xviii}

Остров Буян - это сакральный центр мира, средоточение земных и потусторонних сил, пространство чуда. Поэтому так велика концентрация чудес на этом острове в пушкинской сказке. Принадлежа обоим мирам одновременно, Буян является зоной влияния как добрых, так и злых сил. Не случайно возле этого острова коршун-чародей нападает на царевну Лебедь, и исход этого сражения определяет князь Гвидон, поразив злодея стрелой из необыкновенного оружия -- лука, сделанного из дуба, росшего на чудесном острове.

"Дуб зеленый" - живое воплощение идеи центра мира и одновременно его границы, связывающей земной мир с космическим, с миром умерших предков. Это - мировое дерево, дерево жизни и смерти. В славянских поверьях дерево, в частности дуб, предстает как метафора дороги, как путь, по которому можно достичь загробного мира, как проводник в иной мир.^{xix} Может быть, поэтому стрела Гвидона, пущенная им из **дубового** лука, несет **смерть** даже чародею в образе коршуна.

"Дуб зеленый" является главной приметой Лукоморья -- одного из наиболее этнически значимых мифологических образов. Упоминания о Лукоморье мы находим не только в сказках, заговорах, но и древнейшем документе - "Велесовой книге". Здесь подчеркивается священный статус этого места, расположенного на крымском берегу: "В Сурожу свет будет над нами. И мы идем туда, где видим горящую землю ... У Лукоморья всякий день обращаем взор к богам, которые есть -- Свет"^{xx}. Юрий Петрунин предполагает, что сакральный центр русской культуры, центр ее устремлений находится в легендарном Царьграде (Константинополе), который лежит в излучине Мраморного моря. Это и есть Лукоморье, по его мнению^{xxi}.

Где же тогда находится остров Буян, также связанный с образом "дуба зеленого"? Академик Б.А. Рыбаков считает, что сказочным Буяном является остров Березань в Черном море. Виктор Тороп приводит ряд аргументов в пользу Таманского полуострова. Он думает, что на роль страны Гвидона подходит кубанская дельта. В древности Кубань одним из своих рукавов впадала в Черное море, поэтому Таманский полуостров мог быть и островом. В. Тороп ссылается на средневековых арабских географов, которые знали город Рус, расположенный в дельте Кубани в десятке километров к северо-западу от современного города Темрюк. Его остатки известны как городище Голубицкая-1. Этот город был столицей русов-островитян, так как он располагался на острове, омываемом Азовом -- "синим морем" -- и рукавами Кубани. Таким образом, В. Тороп допускает, что сказочный остров Буян мог находиться в этом районе^{xxii}.

Можно добавить, что недалеко от описанного места стоит гора, поросшая дубами, которая называется Дубовый рынок. И в свое время Пушкин, направляясь в Крым, вероятно, проезжал через эти места.

При рассмотрении древних языческих образов необходимо также учитывать влияние христианства, которое внесло изменения в традиционное понимание сакральных границ и центров русской вселенной, и их сакральность получила новые, православные черты. Но этот процесс в большей степени затрагивает представления о сакральных центрах, так как постепенно происходит умаление значимости сакральных границ, оттеснение их в демонический мир, в сферу суеверий, и возрастание роли сакральных, теперь уже православных, центров, которые все же не могли до конца изжить из национальной памяти древние этнически значимые образы.

Предпринятая нами попытка анализа пушкинских сказок с позиций традиционного национального мировоззрения позволяет нам сделать вывод, что этнокультурные категории "сакральная граница" и "сакральный центр" являются доминантами в традиционной русской национальной картине мира. А степень их сохранности и их значимость в современном ментальном пространстве нации требуют дальнейшего исследования.

Глубинные традиционные смыслы этнокультурных категорий "сакральная граница" и "сакральный центр" в современную эпоху во многом утрачены, не поддаются однозначному декодированию или получают иную интерпретацию, поэтому их манифестации в произведениях Пушкина требуют культурологического анализа, особенно в иностранной аудитории.

Мы убеждены, что невозможно постижение глубинного содержания творчества Пушкина, русской культуры в целом без адекватного понимания категорий "сакральная граница" и "сакральный центр", относящихся к полуми-

фологическим, архетипическим образам коллективного бессознательного русского этноса, которые формируют коллективное мировоззрение нации и влияют на направленность определенных исторических векторов ее судьбы.

ⁱ Лобачев В. Четыре угла земли // Наука и религия. – 1995. – №1. – С.24.

ⁱⁱ Плутин В. Государева дела искатели // Наука и религия. – 1994. – №12. – С.25.

ⁱⁱⁱ Там же. – С.25.

^{iv} Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым. – М., 1989. – С.53.

^v Там же.

^{vi} Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. – Санкт-Петербург, 1992. – С.23.

^{vii} Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов: Надежда, 1993. – С.283.

^{viii} Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 123.

^{ix} Байбури А.К. Указ. соч. – С.9.

^x Там же. – С.11.

^{xi} Славянская мифология... – С.195.

^{xii} Панкеев И. Тайны русских суеверий. – М., 1997. – С.134.

^{xiii} Славянская мифология. – С. 195.

^{xiv} Там же. – С.302-303.

^{xv} Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С.8.

^{xvi} Новикова М. Пушкинский Космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. – М., 1995. – С.260.

^{xvii} Там же. – С.261.

^{xviii} Славянская мифология... – С. 68.

^{xix} Там же. – С.160.

^{xx} Мифы древних славян... – С.278.

^{xxi} Петрунин Ю. Где стоит "дуб зеленый"? // Наука и религия. – 1994. – №2. – С.59.

^{xxii} Тороп В. Черноморская Русь -- сказка и быль ... // Наука и религия. – 1994. – №10 – С.51.